

РЕДАКЦИЯ „КИЕВЛЯНИНА“

Отвечать на письма посылать газету... Редакция „Киевлянина“

КИЕВЛЯНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ПЯТНИЦА, 8-го ЯНВАРЯ 1916 ГОДА.

Годъ пятьдесятъ второй.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

„Киевлянинъ“ съ доставкой и пересылкой по почте...

Продолжается подписка на 1916 годъ на газету „Киевлянинъ“... Подписная цена...

Городской театр. Сегодня, 8-го янв. Миньонъ. Балет дивертисментъ...

Театръ „СОЛОВЦОВЪ“ БЕНЕФИСЪ кассира главной кассы М. А. Злачевской...

Театръ Ливскаго. Оперетта. Сегодня, 8-го янв. Веселое общество...

„Художественный театр Кручинина“ Театръ Брыльва (С. Барголю)...

Д-ръ Сергій Коломойцевъ. Сифилис, триппер, гоноррhea...

Отцамъ и дѣтямъ. Сифилис, гоноррhea, триппер...

Д-ръ Н. Сергѣевъ. Сифилис, гоноррhea, триппер...

Павель Николаевичъ Венюковъ. Выпускъ тѣла состоится въ Юрьевскую церковь...

Бориса Викторовича Брокмиллера. Родители, жена съ сиротами и родственники покойнаго инженера...

Городской театр. Въ среду 13 января 1916 года спектакль, устраиваемый Графиней М. Ю. Игнатьевой...

„ДУБРОВСКІЙ“ музыка Ю. Натрашника. Участвуютъ (по слѣд.) г-жи Антоновичъ, Борозина-Монтиль, де-Роберты...

НА ЮЖНОМЪ ФРОНТѢ. Изъ дневника артиллериста. 6 ноября. Послѣ боя.

Второй городской театр. Оперетта. Сегодня, 9-го янв. Гейша...

„НОВЫЙ ТЕАТРЪ“ В. А. Каралии, В. Полонскаго и О. Рунича. Обожженные крылья...

Правленіе Товарищества стекло-сахарныхъ заводовъ „Дроповичи“ въ обыкновенное Общее Собрание...

Новые романы, муз. Я. Фельдмана. „Время ничто измѣнитъ не можетъ“...

Шипы подковные № 6 и 8. пром. со склада, Петербургъ, Екатеринбургскій пер. д. № 21...

Классы живописи и рисованія А. А. Мурашко. Начало занятій 8 января...

Кіевская Консерваторія. Пріемъ прошеній отъ вновь поступающихъ производится въ кассирской Консерваторіи...

УТЕРЯНЫ. Вчера, 7 января, въ работѣ Николаевской уличной порты-бумажной съ 237 руб., разными документами, кожаной книжкой...

за другой подъ напоромъ штыля и топора скрипѣли и падали огромная столѣтняя сосны. Эффектная картина! Стоявъ исподлѣ, толпивою въ три обрата, стоимъ неподвижно и вдругъ вздрогнувъ, поворачиваетъ и сдвигаетъ медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, ружье, ломай и кроша свои курчавые вѣтви, давая молотку заросла, на землю. Въ эти дни вѣдемъ рѣдкій огонь по противнику, не старающемся сблизиться съ нашей пѣхотой. Пятидневный отдыхъ сдѣлалъ свое дѣло. Усталость въ душѣ возбудило послѣднихъ дней сплошныхъ боевъ; пришли въ порядокъ приподнятые, взвинченные нервы. И странное дѣло, снова тянетъ къ новой горючей огневой работѣ. Бой—это своего рода опьяненіе. И какъ испробовать жгучій напитокъ боя, какъ привыкнуть алкоголика танцевать къ нему. По современной бой—не веселое, молодое, искрившееся вино боевъ прошлаго, которое пьется такъ легко, опьянѣло такъ весело и бодро. Современный бой—это наслажденіе каждое то мучительно тяжело. Точно вѣсто хорошей чистой влаги пьешь тяжелую, пьянящую муть, которая мутитъ рассудокъ и, охватывая все тѣло тяжелой властью истомы опьяненія, не задвигаетъ въ крови загорная искорки веселья и радости, а какъ-бы придавливаетъ гнетомъ мучительно-сладостнаго удовлетворенія. Въ душѣ какою-то раздвоеніемъ. Хочется привести противорѣчіе мысли, желаній къ ясному, опредѣленному выводу и не находишь этой, вѣчно золотой, середины. Еще три—четыре дня тому назадъ силы, а главное нервы, этой главнѣйшей двигателя, владѣли такими надломленными. Такъ хотѣлось хоть на мгновенье выйти изъ ада боя, отдохнуть, отдохнуть не думая, не вспоминая, чтобы все улетучилось безслѣдно изъ памяти, не оставивъ слѣда и воспоминаній. И вотъ три дня отдыха—и вѣтъ устава, восстановлены силы и нервы снова требуютъ привычнаго напряженія боя. И не военный по призыванію.

Только съ началомъ войны я вступилъ въ ряды нашей великой и славы арміи. И вотъ тутъ, на позиціяхъ, я позналъ, что въ эти нужные минуты защиты Родины, я сталъ воиномъ, съ головою до ногъ, что не смогъ бы, физически не смогъ бы дѣлать другую работу, кроме той, что несуть миліоны такія же сыновья Россіи на поляхъ сраженій. Военное дѣло, чуждое мнѣ въ мирное время, стало такимъ близкимъ, полюбилъ я его, люблю и нынѣ съ восторгомъ. Я сражаюсь съ своей батареей, сталъ частью ея цѣлаго, ея общей боевой работы стала самымъ привычнымъ, понятнымъ и нужнымъ дѣломъ. И ухватъ теперь отсюда надолго „туда“, въ Россію, я не смогу бы, безусловно не могъ бы. 7-го ноября. «На-прямикъ». Сегодня утромъ я получилъ приказаніе отъ командира съѣздить на дѣлу въ штабъ N стрѣльцоваго полка. Язна уже вступила въ свои права. Съ самаго утра идетъ молкій морской свистъ, усталая блонд пеленкой земле, опустивъ хвостыя курчавыя вѣтви сосенъ. Пока я неспешно въ штабъ полка порученное мнѣ дѣло и мы выехали въ обратный путь, успѣло уже стемнѣть. До батареи было двадцать съ лишнимъ верстъ. — Ваше благородіе, что напрасно намъ кружить, обратились ко мнѣ мой фейерверкеръ, тутъ можно черѣзъ поле на-прямикъ проехать. Свистъ продолжалъ идти, забавляясь за воротъ шинели; было сыро, холодно, вѣтеръ порывисто свывался. Луна пряталась за бласветанными туманными тучами, неслышно освѣщая заупокойную сѣноту дороги. И идея проехать «на-прямикъ», ближайшимъ путемъ, пришла мнѣ по душѣ. Моя «Баллада» послушно свернула съ дороги и крупной рысью пошла черѣзъ поле. Прощало съ поначалу, какъ мы свернули съ дороги, а прямого пути, на который мы должны были выѣхать, все не было видно.

«Вотъ загнать бы сюда нѣмскую артиллерию, было-бы недурно, мѣльничью въ головахъ. По и намъ самимъ приходится шлохо. Дороги не видно было и слѣда. Насъ окружало одно тупое, сѣрное болото. Попробовали въ поискахъ дороги разѣхаться въ стороны. Но не успѣлъ мой фейерверкеръ отѣхавъ отъ меня и десяти шаговъ, какъ въ одно мгновѣніе провалился съ концемъ въ широкую канаву. Вытарабанчившись на другую сторону, оиъ съ большимъ усиліемъ вытиснулъ своего упавшаго коня. Наше положеніе все ухудшалось. Терпѣть настъ раздѣланъ широкимъ незамерзшимъ канавою, которой не видно было и конца. Стали осторожно продвигаться по ея краямъ. Я взглянулъ на часы. Было уже поздно. Мы блуждали по болоту около двухъ часовъ. И вдругъ до меня ясно донесся говоръ голосовъ. Стали прислушиваться. Не стало сомнѣній: справа отъ насъ это-то громко говорили. Говорѣли, конечно, «душе по дороге, а до нея, повидимому, недалеко. Съ трудомъ, по колѣна въ воду, моему фейерверкеру удалось перебраться на мою сторону. Мы двинулись по направлению къ дороге. Но и это было не легко. То и дѣло путь пересѣкала замерзшая лужина, которая, какъ ихъ называли здѣсь. Приходилось снова и далеко обходить. Но вотъ голоса слышны все яснѣе; стали слышенъ и слышны голоса. Последнее успѣло, и мы на дороге. Отъ деревни отсюда мы выѣхали, мы не отѣхали и двухъ верстѣ! Эти два часа мы лишь безцѣльно кружили по болоту. Свистъ постепенно переставалъ: луна выгладнѣла изъ-за тучъ, освѣтивъ дорогу, на которую мы выѣхали. И не стужаясь больше проехать «на-прямикъ», я крупной рысью пошелъ.

рысье пустилъ повесѣвшую «Балладу» по черѣвней дорогѣ. 9-го ноября. «Закодированный». Среди многихъ славныхъ героевъ, которыхъ выдвинула наша армія за боевые дѣла годовой сражень войны, подполковникъ У., временно командующій N-скимъ стрѣльцовымъ полкомъ, одинъ изъ выдающихся. На войну отъ поемъ въ чинѣ штабсъ-капитана, командиромъ пулеметной роты. Не было дѣла, въ которомъ-бы онъ не участвовалъ со славою. Въдѣ его желѣзные стрѣльцовы бросали въ самые важные участки боевъ отъ Барнапскихъ горъ до Бергоновъ Балтійскаго моря. И какъ-то чудомъ, смерть падла неслучайнаго по мужеству героя. За годъ войны, помимо всѣхъ другихъ обычныхъ боевыхъ наградъ за свои подвиги, онъ получалъ два чина, Георгія 4-й ст., ордено Георгіевское ордена и представлялъ въ исключительной дѣл подполковника награды — въ Георгію 3-й ст. Не одинъ разъ своими пулеметами, этимъ страшнѣйшимъ оружіемъ современной войны, онъ спасалъ свой стрѣльцовый полкъ изъ самыхъ тяжелыхъ положеній. И хоть его командиръ, безграмотно преданное ему пулеметчикъ творилъ почти легендарные по смѣлости и мужеству подвиги. Много изъ себя было у Н. Смерть требовала своихъ овердѣхъ жертвъ, вырвала ихъ одну за другой. И только У. остался цѣль и невредимъ. Здѣсь, на позиціяхъ, какъ то легче вѣрится все что то необычайно, чудесное, объяснимо мистической думой. И не казалось мнѣ страннымъ слышать изъ устъ одного изъ самыхъ старыхъ пулеметчиковъ, вернувшись послѣ рванія снова въ строй, что его командиръ «закодированъ». Въ головахъ солдата слышалось твердое, глубокое убѣжденіе и не мнѣ было разувѣрять его въ томъ, что выпростало у него въ умъ изъ крови и стали. И. И.

